

ПОДГОТОВКА НАУЧНЫХ КАДРОВ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

В.Л. Юновидова
доктор педагогических наук,
профессор кафедры педагогики
и образовательных технологий
Балтийский Федеральный университет
им. И.Канта
dvldvl@mail.ru

Т.В. Голикова
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры английской филологии
Марийский государственный университет
г. Йошкар-Ола
dvldvl@mail.ru

Формирование психологически безопасной образовательной среды для школьников: российской и эстонский опыт

Рассматривается проблема создания психологически комфортной и безопасной образовательной среды для школьников как в российской, так и зарубежной теории и практике. Наиболее подробно авторы останавливаются на эстонском опыте создания школ, обеспечивающих процесс обучения без травли и оскорблений, чему способствует Центр этики, созданный при Тартуском университете, сотрудничающий с педагогическими коллективами школ по формированию ценностей у школьников в рамках национальной программы «Развитие ценностей в эстонском обществе». В статье представлен опыт подготовки бакалавров и магистрантов в Балтийском федеральном университете им. И.Канта для создания психологически комфортной и безопасной образовательной среды на основе аксиологического подхода и применения интерактивных методов обучения

Ключевые слова: психологически безопасная образовательная среда; буллинг; международные программы по созданию образовательной среды без травли; эстонский Центр этики; формирование ценностей; школы без травли и оскорблений; подготовка бакалавров и магистрантов; аксиологический подход; интерактивные методы обучения

Введенные новые федеральные государственные образовательные стандарты в систему образования акцентируют внимание на создании психологически безопасной среды для школьников. И.А. Баева под психологической безопасностью понимает «состояние образовательной среды, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и обеспечивающее психическое здоровье включенных в нее участников» [1].

Психологическая безопасность школьников нередко нарушается в результате буллинга (от англ. bully – хулиган, драчун, насильник) – психологического террора, избиения, травли одного человека другим, агрессивного преследования, запугивания, третирувания, задиранья.

Выявлено, что буллинг распространен не только среди школьников, но и детей дошкольного возраста и проявляется через физическую агрессию (ситуативные удары, шипание), социальное давление, когда группа детей неоднократно и демонстративно отказывается играть с одним из воспитанников, словесные нападки (непрекращающиеся насмешки и высмеивание). Буллинг может вызвать у «жертв» большой стресс, страх и тревогу [2].

На наш взгляд, представляет интерес эстонский опыт совместной работы Центра по этике Тартуского университета, Союза защиты детей Эстонии, фонда «Против травли» и НКО «Молодежное объединение TORE» при поддержке Министерства образования и науки, института детского омбудсмена, канцелярии канцлера права по реализации программ, направленных на предотвращение травли в школах.

Как видим, проблема, связанная с получением школьниками гарантированного образования в комфортной образовательной среде, решается в Эстонии на государственном уровне. Причем обращается внимание на создание образовательной среды без травли, безопасной и в физическом, и в психологическом аспектах.

В зарубежной практике разработано множество программ по созданию образовательной среды для детей без травли (Merrell, Gueldner, Ross &, Isava, 2008) различной степени эффективности. Следует заметить, что примером при создании программ по предотвращению травли в Эстонии послужили программы, разработанные в Дании и Финляндии.

Программа Союза защиты детей Эстонии «Детский сад и школа без травли», апробированная ранее в Дании, программа фонда «Против травли», основанная на программе «Школа без травли» (KiVa), разработанной в Финляндии в университете Турку, программа молодежного объединения (TORE) предлагают эстонским детским садам и школам практические инструменты для предотвращения и разрешения случаев травли. Результаты опытно-экспериментальной работы свидетельствуют о том, что применение адаптированной программы KiVa в 20 школах Эстонии привело к существенному снижению числа жертв, причем снижение было более заметным именно во второй школьной ступени. KiVa – программа обеспечения школы без травли содержит опирающуюся на ценности профилактическую деятельность, инструменты решения инцидентов и исследование оценки воздействия, признанную в мире. Большинство общеобразовательных школ Финляндии (90%) применяют ее (<http://www.kivaprogram>).

Выявлено, что в Эстонии травля является серьезной проблемой. Так, например, по результатам исследования HBSC (2009/2010) среди 29 стран Европы Эстония по удельному весу жертв от травли заняла 4-е место (от травли пострадало почти пятая часть учеников в возрасте от 11 до 15 лет). Результаты, полученные фондом «Против травли» в 2013/2014 году, вновь подтвердили, что 21,5% детей в возрасте от 6 до 12 лет страдают от травли.

Под травлей понимается преднамеренное и неоднократное действие, при котором участники травли сознательно заставляют жертву чувствовать себя плохо, и жертве тяжело защититься. Травля может быть физической и словесной.

Травлей считаются неоднократные избиения, толчки, тычки, удержание против воли, унижение, насмешки, оскорбления, глумление, игнорирование, исключение из группы, распространение клеветы, постыдных фотографий, видео и постингов в интернете. Травля является процессом, оказывающим существенное негативное влияние как на личностное развитие, так и на здоровое общество.

Исследователи, занимающиеся данной проблемой, отмечают, что

– у жертв травли падает академическая успеваемость и повышается риск отчисления из школы (Nakomoto&Schwartz, 2010);

– участники травли в 4 раза чаще подвержены риску совершения преступлений в подростковом и взрослом возрасте (Olweus, 2013).

Установлено, что травля прекращается, если отсутствуют наблюдающие за процессом травли, осуществляется разрешение уже существующих случаев травли, наблюдается осуждающее отношение к травле как со стороны детей, так и со стороны взрослых.

Было определено, что наиболее эффективной работой по предотвращению травли оказалась работа по формированию ценностей как у школьников, так и у учителей, среди которых наиболее важными являются:

– терпимость (умение принять других детей такими, какие они есть, относиться ко всем одинаково);

– уважение (уважать других детей, быть хорошим товарищем для всех, ценить личностное разнообразие);

– заботливость (выражать интерес и эмпатию, заботу по отношению к другим детям, быть готовым помочь им);

– смелость (говорить «хватит», устанавливать границы дозволенного, быть смелым и хорошим другом, который реагирует на несправедливость, защищает слабых) [3].

Одному из авторов статьи (Т.В. Голиковой) удалось в течение полугода (декабрь 2014 – май 2015) изучить и обобщить опыт Центра этики Тартуского университета по формированию ценностей в школах и дошкольных организациях Эстонии.

Данный центр, руководителем которого является Маргит Сутроп, сотрудничает со школами, проводит ежегодные конференции, на которых участники проводят мастер-классы, делятся опытом работы по формированию ценностей у школьников, предлагают разнообразные методики и технологии. Формирование ценностей является одной из главных задач образования в зарубежных странах [4].

Сотрудники Центра этики разработали методические пособия по проведению дискуссий о ценностях с учащимися 3-4-х и 7-9-х классов, проводимых в игровой форме [5,6]. Ценностями, которые необходимо формировать в процессе проведения обсуждения ситуаций, являются честность, человеческое достоинство, заботливость, безопасность, справедливость, чувство собственного достоинства, право на личную жизнь, терпимость, сотрудничество, ответственность, доверие.

Основными принципами поведения при формировании

честности являются правдивость, ясность мотивов и причин поведения, искренность поведения, открытость поведения, предотвращение нечестного поведения;

человеческого достоинства – вежливое, уважительное отношение, общение с участниками события напрямую;

заботливости – заботливое и внимательное отношение к другим людям, стремление понять других людей, умение и желание выслушать других людей;

безопасности – сохранение физического и психического здоровья, стремление избежать насилия, защита слабых;

справедливости – справедливое отношение к себе и другим, соблюдение правил;

чувства собственного достоинства – осознание и отстаивание своих принципов как словом, так и делом, адекватная самооценка;

права на личную жизнь – деликатное отношение к личной жизни других людей;

терпимости – принятие различий, умение считаться с многообразием, признание автономии других;

сотрудничества – привлечение других людей к совместной деятельности, солидарность;

ответственности – инициативности, ответственного поведения, умение заметить ценностный конфликт и готовность на него отреагировать, смелость в отстаивании своих принципов;

В качестве примера можно привести одну из ситуаций, рекомендованных для обсуждения под названием «Учитель наказывает» [6, с. 50-52].

Ситуация. В школе шестиклассник заставил третьеклассника подниматься и спускаться по лестнице на четвереньках. Дежурный учитель это увидел и заставил шестиклассника делать то же самое. Я стою рядом. Что мне делать?

Предложенные варианты ответов:

1. Постою, посмотрю. Этот шестиклассник без подобного наказания все равно не понял бы, что так делать нельзя.

2. Скажу дежурному учителю, что, по моему мнению, это неправильное наказание.

3. Постараюсь утешить третьеклассника и скажу, что так этому шестикласснику и надо.

4. Не хочу на это смотреть, уйду.

5. У меня останется неприятный осадок от увиденного, пойду, поговорю об этом с классным руководителем.

6. Сниму увиденное на телефон и покажу дома родителям.

Ученики выбирают карточку с номером принятого решения, а затем обсуждают в микрогруппе данную ситуацию, давая свои комментарии по поводу личного выбора. Каждый школьник обосновывает свой выбор и старается убедить в своей правоте остальных членов группы. Выслушав все аргументы, группа пытается прийти к общему мнению относительно выбора варианта ответа на предложенную ситуацию.

Учащиеся придерживаются правила «Умей не только убеждать в своей правоте, но и прояви умение слышать мнение других». Результаты выборов ответов учащимися отмечаются в таблице. После обсуждения учащимся дается возможность узнать, что стоит за каждым вариантом решения (см. табл.1).

Таблица 1

Варианты ответов по ситуации «Учитель наказывает»

№	Вариант выбора	Пояснение
1.	Постою, посмотрю. Этот шестиклассник без подобного наказания все равно не понял бы, что так делать нельзя	Похоже, что для тебя наказание за проступок является более важным, чем то, чтобы к человеку, совершившему проступок, относились с уважением. Ты, вероятно, веришь в то, что наказание должно быть таким же суровым или даже суровее, чем проступок, а также в то, что наказание является уроком для того, кто ведет себя неправильно. Тебе следует подумать, можно ли, наказывая человека, его унижать.
2.	Скажу дежурному учителю, что, по моему мнению, это неправильное наказание	Ты не боишься вмешиваться в действия учителя. Похоже, что считаешь важным, чтобы ко всем людям относились с уважением. А что можно сделать, чтобы помочь пострадавшему третьекласснику?
3.	Постараюсь утешить третьеклассника и скажу, что так этому шестикласснику и надо	Проявляешь заботу о младшем мальчике. Как ты считаешь, заслуживает ли шестиклассник такого наказания?
4.	Не хочу на это смотреть, уйду.	Похоже, что тебе неприятно происходящее, однако ты решаешь не вмешиваться. Тебе следовало бы подумать, что в твоих силах сделать в этой неприятной

		ситуации.
5.	У меня останется неприятный осадок от увиденного, пойду поговорю об этом с классным руководителем	Похоже, что ты стремишься защищать человеческое достоинство и ищешь для этого мирный путь. Решение этой проблемы требует, очевидно, общения с несколькими сторонами, а также изучения обстоятельств случившегося. В одиночку ты с этим, вероятно, не справишься
6.	Сниму на телефон увиденное и потом покажу родителям	Подумай, для чего ты это делаешь. Для того, чтобы показать родителям что-то занятное или для того, чтобы попросить у них помощи? Косвенным путем ты занимаешься решением неприятной проблемы, однако ответственность возлагаешь на родителей.

В декабре 2014 года в г.Тарту состоялась седьмая Международная научно-практическая конференция, посвященная проблеме создания школ с психологически комфортной и безопасной образовательной средой, с взаимоотношениями, в которых отсутствует травля, обеспечивается как физическая, так и психологическая безопасность каждому ученику. Данная конференция под названием «Хорошая школа – школа, основанная на ценностях» проводилась в рамках национальной программы «Развитие ценностей в эстонском обществе».

Основной ее идеей являлась идея обеспечения процесса обучения без травли и оскорблений. По мнению организаторов конференции, ключ к школе, свободной от разного рода оскорблений и травли, находится в «кармане» директора, то есть личности руководителя образовательного учреждения принадлежит решающая роль, именно он должен вовлечь в процесс формирования ценностей всех участников педагогического процесса. По мнению участников конференции, в основе хорошей школы, прежде всего, должна находиться безопасная школьная среда и уважительные взаимоотношения, поскольку, только, когда в школе нет разного рода оскорблений, только тогда это школа является хорошей.

Вызывает интерес и то, что важная роль при создании комфортной образовательной среды для ребенка отводится в Эстонии родителям. На конференции осуществлялась презентация эстонского перевода книги американских родителей «Обучение ваших детей ценностям», авторами которой являются Линда и Ричард Эйр.

Комфортное пребывание ребенка в школе зависит в большей степени от готовности учителей, классных руководителей к созданию комфортной и безопасной среды для учеников. Проведенные исследования свидетельствуют о том, что многие педагоги не обращают внимания на предотвращение травли и оскорблений в образовательной среде школы.

В последние годы в российской системе образования также уделяется внимание созданию комфортной образовательной среды для каждого ребенка. Так, например, в учебные планы вузов, осуществляющих подготовку будущих педагогов, введена дисциплина «Формирование психологически комфортной и безопасной образовательной среды».

Данная дисциплина входит в состав базовой части профессионального цикла подготовки бакалавров и магистров по направлению 050400 «Психолого-педагогическое образование» в Высшей школе педагогики Балтийского федерального университета им. И.Канта и способствует формированию готовности педагогов к созданию комфортной и безопасной среды для обучения детей в образовательных учреждениях.

Наряду с различными подходами основой преподаваемого курса является аксиологический подход. В.И. Андреев дает обоснование аксиологическому метапринципу как методологическому подходу к анализу приоритетных педагогических ценностей в образовании, воспитании и саморазвитии человека [7, с. 40].

Ученый считает одной из универсальных целей и ценностей педагога – возможность творческого саморазвития и творческой самореализации в различных видах и формах профессиональной деятельности. В исследовании мы придерживаемся мнения В.И. Андреева о том, что в процессе обучения и воспитания и в школе, и в вузе необходимо сместить ценностные ориентации на развитие и саморазвитие духовно-нравственных качеств личности, так как ценностные ориентации задают человеку систему внутренних координат для траектории его творческого саморазвития и творческой самореализации [8, с. 126-180].

В процессе изучения данной дисциплины студенты знакомятся с существенными характеристиками создания психологически комфортной и безопасной образовательной среды, овладевают технологиями создания психологически комфортной и безопасной образовательной среды в образовательном учреждении, современными технологиями проектирования образовательной среды, в том числе, способами сопровождения, поддержки, компенсации, создания образовательных и тренинговых программ, проектов деловых и интерактивных игр.

В процессе проведения занятий используются как активные, так и интерактивные методы. Весьма эффективным методом является метод разрешения конфликтных ситуаций, так как они являются одним из барьеров создания психологически безопасной среды для школьника. Студентам предлагается составление психолого-педагогических ситуаций, связанных с образовательными рисками в образовательных средах:

– дошкольной образовательной организации в системе «ребенок – ребенок»; «ребенок – воспитатель»; «ребенок – родители»; «воспитатель – родители»; «воспитатель – родители – заведующая» с дальнейшим инсценированием ситуации и ее обсуждением в группе;

– школе в системе «ученик – ученик»; «ученик – учитель»; «ученик – родители»; «учитель – родители»; «учитель – родители», «учитель – родители – директор школы (зам директора)».

– вузе в системе «студент-студент»; «студент-преподаватель»; «преподаватель-преподаватель».

Наибольший эмоциональный эффект создается в процессе инсценирования психолого-педагогических ситуаций, связанных с нравственным выбором и обсуждения их в группе. В дискуссии, как правило, принимают активное участие все присутствующие на занятии студенты, каждый из которых предлагает свои пути решения проблемы.

В.И. Андреев считает, что продуктивные учебные дискуссии на нравственные темы, вовлечение студентов в проведение микроисследований по разрешению нравственных вопросов и нравственных ситуативных задач и заданий будут, несомненно, способствовать тому, что у каждого участника дискуссии сработает так необходимый российским педагогам камертон совестливости, сострадания, сочувствия, сопричастности, ответственности к собственному нравственному росту [8].

Подчеркивая особую роль педагога в воспитании нравов, Я. А. Коменский писал: «...а учителями пусть будут самые лучшие из людей, выдающиеся своей нравственностью, – вот наиболее действенное замечательное средство к тому, чтобы побудить учеников к самой честной жизни» [9, с. 81].

Весьма важно, чтобы студенты овладели методом изучения и обобщения педагогического опыта, так как педагогический опыт является неисчерпаемым источником

для формирования профессиональной компетентности будущих педагогов по созданию психологически комфортной и безопасной образовательной среды в образовательном учреждении. С результатами обобщенного опыта студенты делятся в группе.

В процессе изучения дисциплины студенты разрабатывают модели создания психологически комфортной и безопасной образовательной среды в различных типах и видах образовательных учреждений и защищают эти модели на занятиях.

В результате освоения данной дисциплины формируются компетенции:

– способность выстраивать социальное взаимодействие на принципах толерантности и безоценочности;

– способность анализировать и прогнозировать риски образовательной среды, планировать комплексные мероприятия по их предупреждению и преодолению;

– способность применять психолого-педагогические и нормативно-правовые знания в процессе решения задач психолого-педагогического просвещения участников образовательного процесса;

– способность проводить экспертную оценку образовательной среды и методического обеспечения учебно-воспитательного процесса в учреждении и разрабатывать рекомендации по повышению их качества.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проблема создания психологически комфортной и безопасной образовательной среды как в российской, так и зарубежной науке и практике в настоящее время актуализируется. Пути решения многие исследователи связывают с целенаправленной подготовкой педагогов к формированию высоконравственной образовательной среды на основе формирования нравственных ценностей у самих педагогов и школьников.

Литература

1. Баева, И.А Психологическая безопасность в образовании: Монография /И.А.Баева. – СПб, 2002. – 271 с.
2. Ануфриева, А. Что такое буллинг?/ А. Ануфриева //Psychologies [Электронный документ] URL: <http://www.psychologies.ru/roditeli/children/bullying-bolezn-vlasti/> / 22.12.2014.
3. MTÜ Lastekaitse Liit, MTÜNoorteühing Tugiõpilaste Oma Ring,SA Kiusamisvaba Koolja Tartu Ülikooli eetikakeskus. Infovoldik*Kiusamisvaba haridustee*. 2015, Tallinn.
4. Center for Ethics <http://www.eetikakeskus.ut.ee/en/public-activities/2014>.
5. Tartu Ülikooli eetikakeskus (2014) „Väärtuste avastajad“. Metoodiline vahend õpilaste väärtusarutelude läbiviimiseks. 3. – 4. klassile. Õpetajaraamat. Tartu.
6. Tartu Ülikooli eetikakeskus (2014) „Väärtuste avastajad“. Metoodiline vahend õpilaste väärtusarutelude läbiviimiseks. 7. – 9. klassile. Õpetajaraamat. Tartu.
7. Андреев, В.И. Педагогика: Учебный курс для творческого саморазвития / В.И. Андреев. – 3-изд. – Казань: Центр инновационных технологий, 2012. – 608 с.
8. Андреев, В.И. Педагогическая этика: инновационный курс для нравственного саморазвития / В.И.Андреев. – Казань: Центр инновационных технологий, 2012. – С. 126-180.
9. Коменский Я.А., Локк Д., Руссо Ж.-Ж., Песталоцци И. Г. Педагогическое наследие /Сост. В.М.Кларин, А.Н.Джурицкий. – М.: Педагогика, 1988. – С.81.

В.А. Шахов
кандидат культурологии, доцент
Заслуженный работник культуры РФ
Калининградский государственный
технический университет
shakhov1952@yandex.ru

Этнокультурные проблемы континиума юго-восточной Балтии

Анализируется состояние культурных процессов в регионе юго-восточной Балтии на примере взаимодействия культур Калининградской области и соседней Литвы. При помощи компаративного и диахронического методов исследования выявлены общие черты этнокультурных феноменов в динамике и статике.

Ключевые слова и фразы: диаспоры; континиум; национальная ментальность; субкультурная лакуна; этнокультурные технологии; этносоциальные группы

В регионах именно гуманитарные факторы становятся основой технологий сближения народов и культур. Если население региона устойчиво и длительное время осмысливает свое существование в общих наднациональных категориях, то такая общность приобретает модус существования. Ее представления о себе – неважно, истинные или ложные (этническое самосознание мифологично по своей природе) – образуют идеальную реальность, обладающую экзистенциальной напряженностью, внутренней логикой и целостностью, способную к развитию. Несмотря на перманентно возникающую конфронтацию, именно такая реальность коренится в архетипах сознания литовского и русского народа, по крайней мере, в континиуме Литва – Калининградская область [2].

Новая система ценностей, с которой человечество вступило в XXI век, характеризуется глобальностью и поликультурностью. Благополучие и дальнейшая судьба Балтийского региона решается сбалансированной этнокультурной политикой. Исследование культуры этого региона чрезвычайно сложно; еще сложнее внедрение рекомендаций по регулированию отношений между этносоциальными группами, находящимися в последние годы в состоянии фрустрации по комплексу политических и экономических факторов.

Титульное население стран Балтии легче адаптируются к новым условиям – как в силу лучшего экономического климата (ориентация экономики на занятость титульного населения, преимущественное участие в управлении, адресная помощь Запада), так и благодаря национальному сплочению после Возрождения. Литовцы опираются и на многовековой опыт совместного проживания в составе Российской империи и Речи Посполитой. Русские общины, напротив, находятся вне границ России, в статусе диаспоры, причем диаспоры недобровольной.

Фрустрационность ситуации, когда *родина покинула страну пребывания*, максимальна, зачастую воспринимается как противоестественное состояние, вне политического и этнокультурного осмысления.

В многонациональных регионах народы диаспор являются самостоятельной важнейшей этнополитической составляющей. Диаспора, особенно диаспора великого народа, всегда привносит проблемы, чуждые вмещающей нации, вплоть до конфликтов не только внутренних, но и внешних.

С другой стороны, диаспора обогащает страну пребывания элементами своей культуры, как правило, присущей мигрантам и малым народам пассионарностью, вплоть до чисто биологических факторов обогащения генофонда.

Новая русская диаспора имеет множество проблем - от физического выживания в Латвии до мгновенной ассимиляции в этнокультурно близкой Украине. Если зоологический характер апартеида в Латвии не требует пояснений, то по историческим источникам этнокультурные проблемы русских на Украине во времена Алексея Михайловича, описывал еще Д.Л. Мордовцев. Тогда дети русских дворян при гетманском дворе ассимилировались и становились истинными украинцами за 2 - 3 года, что естественно для близкородственных народов в условиях информационной изоляции [5].

Диаспоры в Литовской республике не пребывают в качестве нежелательного инородного элемента и не находятся на грани ассимиляции. Если это облегчает внутривнутриполитическую ситуацию, то с позиций этнокультуры сложностей не становится меньше, но зато очевидна необходимость экстренных, весьма грамотных и тактичных решений. Наиболее четко процессы межкультурной и межцивилизационной адаптации проявляются во взаимодействии геополитических и геокультурных образов, сталкивающихся в пространстве, подверженном цивилизационной турбулентности. Культура, в том числе этнокультура, становится реальной силой, создающей или разрушающей государства.

В условиях межнационального конфликта, да и при других формах внутривнутриполитических конфликтов, принадлежность к определенному этносу заставляет человека принять на себя социальную роль - вести себя в соответствии с нормами общины и ожиданиями других страт.

В условиях социополитической стагнации, характерной для нашего времени, следовать в межэтнических отношениях групповым стереотипам отдельному человеку проще, чем разрабатывать или отстаивать собственную оценочную систему.

Такое поведение, как правило, является оптимальной, а то единственно безопасной моделью для индивида, вне зависимости от его личных предпочтений. Зачастую такая позиция воспринимается самими акторами как часть социальной функции, отражает специфичность, основы миропонимания, присущему своему народу.

В ситуации межнационального конфликта иная модель поведения приводит к маргинальности не только в своей общине, но и в поддерживаемой индивидууме среде.

Есть и альтернативный путь сохранения национальной ментальности – образование субкультурных этнические и конфессиональных групп с особыми правилами поведения и установками, в рамках подчинения общегосударственным нормам. Такие *субкультурные лакуны* задают направление развития региона в целом, новой социальной общности, ибо они, в известной мере, автономны, закрыты и не претендуют на то, чтобы заместить собой господствующие нормы жизни – такова, например, модель поведения старообрядцев Литвы.

Не умаляя значение традиций, надо признать, что ключевую роль в конструировании этничности играет мобилизация членов этнической группы со стороны лидеров – то есть социальное конструирование. К сожалению, зоны этнокультурной толерантности исчезают на всем постсоветском пространстве – уже практически аннигилировали интернациональные социумы Баку, Одессы, Тбилиси, Бессарабии.

В этнократических Латвии и Эстонии затруднительны не только грамотные этнокультурные воздействия, но и объективные исследования. Напротив, результаты подобных исследований в атмосфере взаимотерпимости и амбивалентного национально-го сознания, которое характерно для Литвы, не только возможны, но чрезвычайно важны для отработки универсальных моделей всего балтийского региона.

На протяжении всей истории юго-восточная Балтия была раздроблена на несколько государств разной этнокультурной ориентации, балтийские и славянские народы существовали в составе унитарных государств или под инокультурным протекторатом, при этом национальный конфликт никогда не принимал характера тотального разлома общества.

Не идеализируя наличие противоречий, возникающих в результате неразумной национальной политики Речи Посполитой, Российской и Германской Империй, можно констатировать, что они не исчезли бесследно, и будут присутствовать впредь из-за отсутствия системы этнокультурного планирования, включая работоспособные методики изучения государственного языка.

Сложный исторический путь наших народов, от эпохи Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, их вхождения в состав Российской империи и Советского Союза, не нивелировал у каждого из них самобытную культуру, сохранялись самобытные народные традиции и обычаи [6; 9].

Бесконфликтный, продуктивный и в то же время безущербный характер межкультурного взаимодействия основных этносов в регионе - одна из его важных этнокультурных особенностей. Регион воспринял и свой печальный опыт ксенофобии, национальной и религиозной конфронтации.

В то же время, именно поиск единства культур, сохранения неповторимого духовного опыта народов культуры, приобщение к цивилизационным достижениям приводил к миру в регионе, создавал традиционную русскую и литовскую толерантность [11].

Предшествующие культурные традиции, при всей сложности и противоречивости процессов развития региона ныне окончательно не прервались, хоть и по-разному осваиваются этнокультурными стратами. Это требует особенно внимательного и бережного отношения к этнокультурным процессам, особенно на фоне нарастания напряженности межнациональных конфликтов в других регионах. Трюизм, что в любом обществе необходимо сохранять национальные культуры, включая культуру национальных меньшинств, ибо это является основой социального механизма взаимной адаптации этнических общин, является определяющим фактором в региональных интеграционных процессах.

Разумеется, значительная доля национальных меньшинств в населении, даже автохтонных и старожильческих, приносит серьезные проблемы в жизнь континиума – как положительного, так и отрицательного характера.

Потоки миграции, экономические, культурные и иные контакты приводят к переносу культурных ценностей, вносят изменения в образ жизни, нормы поведения и общения. Диаспоры склонны к созданию культурных автономий, живущих по своим представлениям о культуре. Нормальное сосуществование диаспоры и вмещающей нации предполагает появление процессов аккультурации.

При этом, если не получают поддержку силы сопротивления культурным заимствованиям, возникает угроза утраты национально-этнической самобытности. Такое же явление может иметь место и у народов, живущих на своей этнической территории - например, в формах вестернизации культуры экономически отсталого государства.

Оптимистическим вариантом, разумеется, будет отнюдь не сведение всего этнокультурного богатства многонационального государства к некоторому единому образцу, а в аккумуляции всего лучшего в культурном богатстве народов, развивавшихся в совместном историческом пути с государствообразующей нацией.

Для развивающейся культуры свойственно не нигилистическое отбрасывание, а аккумуляция культурного наследия и создание на основе этого национальной культур-

ной идеи. Не участие в экономических блоках, а культура, в конечном счете, является определяющим фактором в региональных интеграционных процессах.

При этом одновременно имеют место, как постепенная дифференциация, так и сглаживание различий культур [1]. Если отвлечься от краткого в исторических масштабах гармоничного балто-славянского сообщества периода расцвета Великого Княжества Литовского, в юго-восточной Балтии не удавалось найти эффективных этнокультурных технологий создания унитарного государства на основе сосуществования разноэтносных образований, даже если их создание и отвечало историческим и культурным задачам объединяемых народов.

Это не удавалось достичь ни на базе военно-идеологической диктатуры Тевтонского Ордена, религиозно-культурной общности Унии Польши и Литвы, ни на основе экономического и военного протекционизма при инкорпорации Литвы в состав СССР. Если отбросить нравственную сторону проблемы, то к монокультуре приводят тоталитарные технологии, например, принудительная ассимиляция и протестантизация населения Восточной Пруссии во времена Фридриха Вильгельма I, получившая свое логическое завершение в годы гитлеровской оккупации.

Еще в 177 г. китайский историк Бань Гу доказал культурологическую аксиому, что ассимиляция народа, нивелирование чуждой культуры вредна для государства и не нужна титульной нации. Как мы помним, после обнародования своей идеи Бань Гу был посажен в тюрьму, где и окончил свой век, а на внутренней политике государства его идеи не сказались [3].

Ассимилировать сложившиеся инокультурные народы, ориентированные на культурные центры, расположенные за пределами региона невозможно и принципиально вредно для любого государственного механизма, ибо это только усиливает центробежные тенденции.

Нетрудно понять, что сказанное, безусловно, относится к русской диаспоре стран Балтии. Ассимиляция или отказ от части этнокультуры для русских Литвы возможны только на добровольной основе.

Если при этом исходят из сиюминутной выгоды, тогда проблема ассимиляции переходит в этическую плоскость и связана с проблемой выбора человеком границ своего сообщества и моральностью отказа от своего национального социума в пользу более благополучного сообщества [8; 10].

Значительно более уместны этнокультурные технологии, основывающиеся на абсорбции государствообразующей нацией малых народов при сохранении их национальной культуры. В этом случае особо заметно взаимообогащение культур, причем влияние культуры вмещающей нации на определенном этапе развития может быть даже преобладающим.

Речь Посполитая народов Польши и Литвы пыталась достичь на этой основе наднационального единства в условиях неограниченной демократии, но этому помешала неразвитость сословных структур у литовской и русской составляющей государства при жесткой иерархической системе и обостренного чувства сословной исключительности польской гербовой шляхты. Нельзя отрицать, однако, что этнические стереотипы в инокультурной среде неизбежно меняются [7; 4].

Само по себе этнокультурное многообразие не приводит к конфликтам. Но культурная отличительность в условиях отсутствия направленной этнокультурной политики может канализировать деструктивное общественное сознание. Наиболее частой причиной возникновения межнациональных конфликтов является недостаточная информированность, недостаток общей культуры и компетентности в проблемах этнологии групповых и властных лидеров - или, хуже, их злонамеренность.

Если последнего в Литве удалось избежать даже в напряженные дни национального Возрождения и социальных потрясений, то культурная составляющая, напротив, выходит на первый план тем больше, чем лучше общее состояние межнациональных отношений.

Юго-восточная Балтия может оставаться фактором стабильности лишь до тех пор, пока будет примером межнационального и межконфессионального мира.

Национализм и фундаментализм являются наименее приемлемой моделью для этого региона, с его развитой гетерокультурностью, охватывающей все сферы не только сознания, но и бытия.

Бесконфликтный, продуктивный и в то же время безущербный характер межкультурного взаимодействия основных этносов в континиуме Российской Калининградской области и Литвы - одна из важных этнокультурных особенностей региона. Она требует особенно внимательного и бережного отношения к этнокультурным процессам, особенно на фоне нарастания напряженности межнациональных конфликтов в соседних государствах Балтии.

Регулирование культурных процессов должно происходить как естественная адаптация жителей к новым условиям, сложившимся как важная часть становления демократических государств на постсоветском пространстве.

Литература

1. Боас Ф. Методы этнологии//Антология исследования культуры, т. 1, С. 519 – 527, СПб., 1997.
2. Бызов Л. Становление новой политической идентичности в постсоветской России: эволюция социально-политических ориентаций и общественного запроса //сб. Российское общество: становление демократических ценностей М., 1999.С.70.
3. Гумилев Л.Н. Хунну. М., 1960. С. 4.
4. Замятин Д.Н. Геополитика образов и структурирование метапространства /ж. “Полис”, № 1, 2003. С. 87.
5. Мордовцев Д.Л. Великий раскол. М.: Правда, 1990.
6. Мотузас А. Некоторые особенности литовской народной обрядности. Проблемы этнокультуры. М.- Калининград: АПРИКТ, 2001.
7. Преснякова Л.А. Теория политической социализации// ж. “Политическая наука”, N2, С – 24-35, М: РАН, 2002.
8. Сергеева О.А. Роль этнокультурной и социокультурной маргинальности в трансформации цивилизационных систем // ж. “Общественные науки и современность”. РАН, 2002. С. 104 – 114.
9. Davies N. God’s playground. A History of Poland. USA, Columbia Universsity Press, v. 1, 1981.
10. Kurio T. Nationalising states or national building? //Nations and nationalism. V.7, Cambrige, 2001. Pt.3.
11. Rylander D. Globalism and regionalism in the Baltic sea region — the role of Internet services in the interplay. // j. “Tiltai” (Klaipeda), 2 (7), 1999, p. 77–85.

В.А. Шахов
кандидат культурологии
заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин
и туристских коммуникаций
профессор Российской международной
академии туризма
Заслуженный работник культуры РФ
Калининградский государственный
технический университет
shakhov1952@yandex.ru

Рехристианизация Российского эксклава юго-восточной Балтии: социокультурный аспект

Освящена проблема рехристианизации русского эксклава юго-восточной Балтии (Калининградской области) в период стагнации духовной культуры после окончания Второй мировой войны. Показана роль возрожденной на этой земле Русской Православной Церкви в духовно-нравственном воспитании жителей Калининградского эксклава как важнейшей институции этнокультурного просвещения и образования

Ключевые слова и фразы: рехристианизация; юго-восточная Балтия; Русская Православная Церковь; этнокультурное просвещение; образование; философы-славянофилы; православная соборность.

К русской идее всечеловечности и соборности продолжают обращаться те, кто отвергает этническую нетерпимость и отчуждение людей друг от друга, кто не мирится с вседозволенностью и эгоцентризмом, с дискредитацией таких нравственных ценностей, как стыд, сострадание, милосердие. Двадцать первый век, - утверждал академик Д.С. Лихачев, - будет веком гуманизации. В противном случае человечество может выродиться в гуманоидов, умеющих читать и пользоваться компьютерами, но их духовные ценности можно будет выразить одним-двумя словами[4].

Если XXI веку действительно суждено стать веком гуманизма и терпимости, то одним из источников гуманитарного движения вперед должны стать ценности и идеалы, сложившиеся в недрах русской религиозной философии, в недрах славяно-христианского направления.

Поиски основ русской культуры были особенно актуальны в 19 веке, во время мировоззренческой “войны” славянофилов и западников. И сегодня эта проблема, на наш взгляд, является доминирующей, особенно здесь, на земле Калининградского эксклава, оторванной от “материнского поля” – российской метрополии.

Творившие в 19 веке философы-славянофилы Алексей Хомяков и Иван Киреевский занесли золотом свои имена в копилку мировой духовной культуры. Они рассматривали Православную Церковь как путь к единству нации, духовный оплот против цинизма буржуазной европейской цивилизации. И главным их козырем в споре с западниками была соборность, то есть примирение в христианской любви свободы каждого и единства всех.

В русском Православии, как отмечал Н.А. Бердяев, есть три струи, которые то сливаются, то тянутся в противоположных направлениях. Это аскетически-монашеская струя: христианство, прежде всего, есть дело загробного спасения. Вторая – это право-

славное освещение жизни, “Узрение Божьей мудрости в тварном мире”, “Преображение твари, Воскресенье”. Третья – антропологическая струя – связана с проблемой человека, с его предназначением в мире, с оправданием культуры[1].

Богословское творчество Хомякова больше озабочено проблемой человека и создания православной культуры. В своих трактатах о православном христианстве он обращался к теме почти не разработанной в академическом православном богословии, а именно к теме соборной церкви, через которую только и может совершиться преобразование человека. В отношении Церкви Хомяков определил соборность как общность людей, свободную от антагонизма, объединенных верой в православной ценности, гарантирующие цельность личности и соборность познания.

Понятие соборности включает также мысль о несостоятельности западноевропейского просвещения с его культом рационализма, индивидуализма и индустриального прогресса. Соборность служит гносеологическим и этическим обоснованием приоритета русского народа в будущем историческом развитии человечества. Соборность подразумевает оцерковление социальной жизни.

Приоритет России в этом плане, как раз основывается на том, что Православие (если пренебречь историческими искажениями) является единственным христианским вероисповеданием, сохранившим идею соборности. В России сохранился и материальный аналог соборности – община, древний славянский институт, обладающий силой морального единения людей и предохраняющий их от эгоизма.

Из русского учения о соборности вытекает, что “как сфера любви и свободы” Церковь по своей природе не совместима с государством. Государство всегда конкретно, географически и исторически ограничено. Церковь же универсальна и абсолютна, она принадлежит всему миру, а не какой-нибудь местности. Церковь относится к области вечного, абсолютного, духовного[6].

Гарантия авторитета церкви – отдельность её от государства. Ибо, сомкнувшись, а так случилось в России до революции, вся вина государства неминуемо падает на Церковь.

Православие, или, во всяком случае, подточило его. Тысячелетие назад христианство стало государственной религией древней Руси и объединило Русь, а потом Россию, Белоруссию, Украину.

В том была сила, в том же и слабость, подчиненность церкви государству привело к утрате своей духовной свободы, свободы совести. Так говорил академик Лихачев. И еще, он считал, что церковь должна быть полностью отделена от государства для того, чтобы она смогла свободно развиваться и быть религией в полном смысле этого слова. Вообще, обстоятельный прогресс заключается в свободе, в увеличении сектора свободы[4].

Параллельно с темой православной соборности архиважно на наш взгляд коснуться темы об отличных чертах русской образованности, понимаемой как духовная культура. Сравнение русской и европейской образованности имеет и сегодня важное значение, поскольку в нем основательно поставлен вопрос: остается нам только осваивать чужое “богатство” или следует раскрывать глубокое назначение нашей православно-славянской образованности, направленной на внутреннее устройство духа?

Ведь полнейшее усваивание европейской образованности, к чему нас так подталкивает создававшаяся геополитическая ситуация, может пересоздать нашего современного человека, переиначить его нравы, обычаи, образ мыслей. Полагаем, что правы были славянофилы, предлагая направление к народности, которое позволяет смотреть на европейское просвещение как на «не полное, одностороннее, не проникнутое истинным смыслом и поэтому ложное» [3].

Важное значение для нас, исследователей православной русской традиции, имеют деяния легендарного Константина Петровича Победоносцева, обер-прокурора Святейшего Синода, чье 188-летие со дня рождения исполнилось в этом году.

Жизнь Константина Петровича не была богата событиями – она сама была событием в жизни России, событием из числа самых значительных, тех, что связаны с судьбой нашей страны[2].

Православная религиозность, всецело определявшая уклад жизни профессорской семьи, стала основой формирования личности Победоносцева, дала ему первоначальную духовную закалку.

К середине 19 века бурный прогресс науки и культуры побудил императорскую власть к ускорению процесса построения гражданского общества. Победоносцев в эти годы заявил о себе как консервативный мыслитель и государственный деятель, глубоко осознававший ненужность и прямой вред для России политического “западничества”. “История свидетельствует,-писал он,-что самые существенные, плодотворные для народа и прочные меры и преобразования исходили от центральной воли государственных людей или от меньшинства, просветленного высокой идеей и глубоким знанием”.

В западной Европе на развалинах христианской цивилизации воцарился буржуазный порядок, устроенный на принципах рационализма и безрелигиозного гуманизма. Именно этот порядок либералы стремились установить и в России. Но если одна часть общества в большинстве своем склонялась к этому, то для народа основой общественной жизни по-прежнему оставалась Вера, и государственность была для него сосредоточена в личности православного царя.

Помочь народу выстоять под натиском “Передовых идей века”, пока народ не созреет до осознания Защиты Веры и Традиции,- в этом был смысл служения и всей жизни Победоносцева.

Для Победоносцева главным делом было решение вопросов связи Церкви с государством и обществом. В православной семье и православной школе Победоносцев надеялся увидеть бастионы, неприступные для антинародных и антигосударственных сил, и всемерно усиливал роль Церкви в народном образовании, дабы утвердить единение церкви и народа на уровне семьи и школы.

Будущее Российского эксклава юго-восточной Балтии в большей степени зависит от решения двух проблем - образования и религии. Образование (а точнее - образование и просвещение, ибо необходимо поднять и общий уровень культуры), не может быть реализовано силами самой области и в настоящее время это трудно управляемый процесс. Религиозный статус, напротив, прогнозируем и в принципе управляем. Обществом-необходимые результаты при этом могут быть достигнуты без слишком больших затрат, никого не ущемляя.

Наблюдения показывают, что число практикующих верующих среди калининградцев исчисляется несколькими тысячами. Более половины из них никогда не посещали церковь. Продолжительность случайных посещений не превышает получаса, без попыток понимания происходящего и тем более без участия в богослужении (визитер может выйти из церкви во время службы). Оправдывающим обстоятельством является то, что до 1985 года в области вообще не было действующих православных церквей, а храмы иных конфессий были единичны.

Надо признать, что, говоря о потенциальной пастве Русской Православной Церкви, речь идет не о религиозности, а скорее об ориентации самовосприятия. Тем не менее, существует убежденность в предпочтительности Православия как "истинно-христианской", к тому же и национальной религии, однако оно воспринимается более как аспект русской этнокультуры.

Однако, не вызывает сомнения, что процесс возрождения религиозного сознания в восточнославянской диаспоре пройдет на 80-70% уже лет через десять. Крах системы коммунистических ценностей образовал идеологический, психологический, моральный вакуум. Ныне население анклава может стать объектом духовной экспансии со стороны любой силы, владеющей современными методами социальной психологии в части анализа, формирования общественного мнения и целенаправленного воздействия на поведение группы.

Инокультурное религиозное воздействие наиболее опасно, ибо русские жители области не имеют в этом отношении ни знаний, ни традиций. Эмоциональные и иррациональные каналы воздействия могут оказаться непривычно эффективными, вплоть до создания за короткое время системы манипулирования личностью.

Для калининградцев восточнославянского происхождения оптимальным путем возрождения религиозности может стать возврат в лоно Православной Церкви. Однако при наблюдаемой скорости процесса регенерации Русской Православной Церкви этот вариант рехристианизации не представляется даже основным.

Следовательно, рехристианизация нашего края - проблема не локальная и конфессиональная, а общегосударственный вопрос для повышенного внимания как правительственных, так и церковных структур.

Возвращаясь к тезису о независимости церкви, следует сказать, что она не должна вмешиваться в дела государства, а государство – в дела церкви. Но это не исключает поддержки одного другой. И такие примеры в России налицо повсеместно, особенно в воздвижении православных храмов.

Нам известно, что сегодня в Калининградской области действует большое количество православных храмов. Есть и монастыри. А до 1985 года здесь не было ни одного православного заведения и о причинах этого нам хорошо известно.

Ибо со сменой хозяев территории в 1945 году Балтийский регион не изменил своего, складывающегося веками военно-переселенческого статуса. Военно-государственный контроль определил социально-культурную специфику анклавной Калининградской области, и о присутствии Православия на этой земле тогда не могло быть и речи.

Ситуация в корне изменилась после распада СССР. Оторванность многих жителей России от исторической родины и культурных корней оказала воздействие на формирование специфических черт культуры нового российского региона. Калининградская область, сохраняя свою геополитическую значимость для России как аванпост русской цивилизации на Западе, уже не в состоянии сохранять свой военно-переселенческий статус. Именно в этот период и образовались условия для возрождения православной Церкви как одного из способов сохранения национальной идентичности россиян.

В 1950 — 80-е годы религиозная жизнь фактически носила андеграундный характер. Жители Калининграда и малых городов области считались атеистами, поскольку ни в городе, ни в области не было ни одного православного храма. Однако, многие жители эксклава в этот период посещали православные храмы в соседних Литве и Белоруссии.

Вскоре после начала «перестройки» и демократизации общественной жизни был зарегистрирован первый приход Русской Православной Церкви — Свято-Никольский (ныне епархиальный женский монастырь в честь святителя и чудотворца Николая г. Калининграда). Приход был закреплен за Смоленско-Вяземской епархией, возглавляемой архиепископом Кириллом (ныне — Патриарх Московский и всея Руси). В область приехал первый священник. 23 апреля 1985 г. приход был официально зарегистрирован городскими властями.

В 1988 году в Калининграде были торжественно проведены мероприятия в честь 1000-летия Крещения Руси. В этом же году образовано первое благочиние. В 1989 г. зарегистрирована вторая православная община, в пользование которой передана бывшая кирха Креста — будущий Крестовоздвиженский собор. С этого времени начинают открываться новые приходы в Калининграде и области. В 1993 г. епископ Балтийский Пантелеймон был назначен викарием Смоленской и Калининградской епархии. К 1995 г. в области действовали 37 православных приходов. В этом же году состоялись торжества в честь 10-летия Православия на Калининградской земле. Они открылись с крестного хода, возглавил который митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Верующие прошествовали по центральным улицам Калининграда к Площади Победы, где был освящен камень и установлен крест на месте строительства будущего Кафедрального собора Христа Спасителя.

В 1996 г. президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин и митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл по благословению Святейшего Патриарха Алексия II осуществили торжественную закладку камня в основание строящегося Кафедрального Собора Христа Спасителя.

В 2001 г. викарием Смоленской и Калининградской епархии был назначен епископ Серафим. В 2000-х годах углубляется активное взаимодействие Церкви и общества, а также сотрудничество с подразделениями Балтийского Флота. В Калининграде и других городах открываются новые приходы, строятся и освящаются храмы, в том числе при больницах, и других учреждениях. Церковь принимает активное участие в различных конференциях, общественных культурных, благотворительных мероприятиях и акциях. Работают летние православные лагеря для детей.

3 июля 2005 г. митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл совершил чин малого освящения Кафедрального собора Христа Спасителя г. Калининграда. Освящение было приурочено к торжествам по случаю 750-летия г. Калининграда. На богослужении в соборе присутствовал Президент РФ В.В. Путин.

В том же году была заложена первая в области Православная общеобразовательная гимназия, начавшая работу в 2008 году.

10 сентября 2006 г. состоялось Торжественное освящение Кафедрального собора Христа Спасителя г. Калининграда. Чин освящения возглавил Патриарх Алексий II.

В 2009 г. решением Священного Синода Смоленско-Калининградская епархия была разделена. Правящим архиереем Калининградской епархии является патриарх Московский и всея Руси Кирилл, викарием — епископ Балтийский Серафим.

Сегодня православие эксклавного локуса России переживает свой расцвет. Калининградская епархия — одна из первых в России по числу вновь построенных храмов на душу населения. В городах и посёлках области насчитывается 195 храмовых объектов. Из них - 68 храмов самостоятельные приходы и 32 — приписные. Действуют 36 часовен. Также в Калининградской епархии есть три женских монастыря с десятью храмами; 49 церквей устроены при различных учреждениях. Двадцать церквей и часовен располагаются при больницах, 7 — на территории воинских частей, 9 — в исправительных учреждениях региона.

Православные часовни и храмы действуют на 8 кладбищах Калининграда и области. Свыше пятидесяти сакральных сооружений находятся в стадии строительства или восстановления (эти и другие данные приведены по [5]).

Церковная архитектура несет в себе важнейшие символические смыслы, у нее другие функции, задачи и конструктивные особенности, чем у гражданской, мирской архитектуры. Православные храмы Калининградской епархии можно условно разделить на две категории по времени постройки: отреставрированные и реконструированные согласно православным канонам в 1980 — 1990-ых годах кирхи довоенной по-

стройки и храмы, построенные со второй половины 1990-ых годов до настоящего времени.

И даже если многие наши соотечественники воспринимают православный храм как материальный аспект этнокультуры, то надо сказать, что это уже хорошая тенденция. Ведь архитектура православных храмов – это своего рода застывшая музыка. Кроме того, храм несет в себе символ его принадлежности к национальной вере. А если выразиться словами богослова, то храм – это корабль, плывущий по житейскому морю и в нем каждый может уберечь свою душу.

Образцом храма как межнационального интегрирующего фактора может служить церковь на границе России и Польши в Багратионовске, возвещающая, что Русь жива и приглашает хлебом-солью своих соседей.

Мы должны с пониманием и патриотичностью относиться к православным традициям. Русь исторически сохранила себя. И никто не в состоянии ослабить наши исконные духовные корни, поскольку духовное совершенствование и тяга к нашей соборной ментальности – есть основа примирения в христианской любви единства всех и свободы каждого [см. 6].

Литература

1. Бердяев Н.А. О русской философии: В 2 ч. Свердловск, 1991. Ч. 1. С.18-19.
2. Жилкин В.С. Верный сын России. Журнал "Русский Дом". - М.: 2002.- №3.
3. Киреевский И.В. Избранные статьи // М.: Издательство «Современник», 1984. С.169.
4. Лихачев Д.С. Тысячелетие культуры. Альманах библиофила, 26, М.: "Книга", 1989, С.12-13.
5. Православный Калининград. Путь начинающего паломника / Калининград: Смартбукс, 2013. – 208 с.
6. Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1900. С. 32.

П.Ю. Ковалишин
кандидат филологических наук
доцент кафедры иностранных языков
«БГАРФ» ФГБОУ ВПО «КГТУ»
pavelkovalishinkaliningrad@mail.ru

Современные исследования языковой картины мира в России как основа формирования лингвокультурных компетенций специалистов-филологов

Рассмотрены современные подходы к изучению языковой картины мира как категории (в трудах А. Вежбицкой), составляющей профессиональную лингвокультурную компетенцию специалистов-филологов

Ключевые слова: языковая картина мира; профессиональная компетенция; лингвокультурология

Научную заслугу А. Вежбицкой составляет то, что она на обширном языковом материале показала, как именно отражается в языке мировидение народа, тем самым придав новый импульс в развитии теории В. фон Гумбольдта.

Она доказательно сформулировала положение о том, что значения слов разных языков не совпадают (даже если они, за неимением лучшего, искусственно ставятся в соответствие друг другу в словарях), что они отражают и передают образ жизни и образ мышления, характерный для некоторого общества (или языковой общности), и что они представляют собою бесценные ключи к пониманию культуры [см.: Шмелев 2001б: 8].

А. Вежбицкая обратила внимание на существование так называемых «лингвовоспецифичных слов», которые отражают не только образ жизни, характерный для того или иного общества, но прежде всего – образ его мышления [см.: Вежбицкая 2001б]. По наблюдению автора, они «представляют собой понятийные орудия, отражающие прошлый опыт общества касательно действий размышлений о различных вещах определенными способами; и они способствуют увековечению этих способов.

По мере того как общество меняется, указанные орудия могут также постепенно видоизменяться и отбрасываться» [Вежбицкая 2001б: 20]. При этом А. Вежбицкая не занимает крайнюю позицию – не абсолютизирует власть языка над мышлением, но отмечает лишь его влияние на мыслительный строй человека. «Инвентарь понятийных орудий общества, – пишет она, – никогда не «детерминирует» полностью его мировоззрение, но очевидным образом оказывает на него влияние» [Вежбицкая 2001б: 20].

Она утверждает также, что «аналогичным образом взгляды отдельного индивида никогда не бывают полностью «детерминированы» понятийными орудиями, которые дает ему родной язык, частично оттого, что всегда найдутся альтернативные способы выражения. Но его родной язык очевидным образом оказывает влияние на его концептуальный взгляд на жизнь» [Вежбицкая 2001б: 20].

Эта проблематика вызвала особый интерес у российских исследователей. В частности, ее исследуют ученые, работающие в направлении «концептуального анализа языка» (школа Ю.Д. Апресяна и др.). Так, А.Д. Шмелев в своих исследованиях исходит из того, что в языке находит отражение характер и мировоззрение является язык.

Особенно показателен в этом отношении его лексический состав. Именно в лексике языка воспроизводятся представления человека о мире и картина мира в целом.

Проведенный А.Д. Шмелевым и другими исследователями семантический анализ русской лексики позволяет сделать некоторые выводы относительно особенностей видения мира носителями русского языка. При этом отмечается, что не все лексические единицы в равной мере несут информацию о специфике русской языковой картине мира.

Так, объектом научного интереса А.Д. Шмелева и его коллег А.А. Зализняк, Е.Б. Левонтиной стали следующие лексические сферы: 1) слова, соответствующие определенным аспектам универсальных философских концептов (правда и истина, долг и обязанность, свобода и воля, добро и благо); 2) слова, выражающие понятия, отмечаемые и в других культурах, но являющиеся особо значимыми именно для русской культуры и русского культурного сознания (судьба, душа, жалость и др.); 3) слова, выражающие уникальные русские концепты (тоска, удаль); 4) так называемые «мелкие слова», тем не менее ярко показывающие мирозерцательные установки носителей русского языка (авось, небось, видно, -ка, ну) [см.: Булыгина, Шмелев 1997].

Характеристики русской языковой картины мира в этих условиях определяются в самых общих чертах и в психологическом преломлении.

Так, А.Д. Шмелев отмечает, что этнопсихологии, иностранные путешественники, русские писатели, размышляющие о характере и судьбах русского народа, единодушно отмечают такие черты русского национального характера, как тенденция к крайностям,

эмоциональность, не вполне рациональный подход к жизни, пассивность, фатализм, «практический идеализм» (предпочтение «небесного» «земному»).

Анализ национально-специфических особенностей русской языковой картины мира частично подтверждает, но вместе с тем дополняет и уточняет подобные выводы, подводит под рассуждения о «своеобразии русской ментальности» объективную базу [см.: Булыгина, Шмелев 1997: 482; также: Вежбицкая 1996; Ранкур-Лафферрьер 1996].

А.Д. Шмелев подчеркивает, что если избегать поспешных и прямолинейных выводов, то можно полагать, что сопоставление «русской языковой картины мира», определяющейся в результате семантического анализа лексем русского языка, с этнопсихологическими данными может помочь уточнить выводы, сделанные в рамках как той, так и другой научной дисциплины [Булыгина, Шмелев 1997: 495].

В языкознании получил распространение еще один термин, обозначающий систему представлений человека о мире, закрепленных в языке, – «модель мира» [см., например: Цивьян 1990; Топоров 1991; Топорова 1994]. «В самом общем виде модель мира определяется как сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» [Топоров 1991: 161].

В целом категории «модель мира» и «картина мира» близки друг другу и представляют совокупность знаний, отражающих видение и понимание человеком действительности, ее особый концептуальный «раскрой», на основе которого человек эту действительность мыслит [см.: Берестнев 2005: 13; Кубрякова 1997: 47; Яковлева 1994: 11].

Однако в первом термине акцент делается на семиотическом аспекте этого знания – той или иной его знаковой представленности (например, в естественном языке, в мифе, в религиозных построениях и т.д.).

Во втором термине выделяется собственно когнитивный аспект знания о мире, а его знаковым выражением «по умолчанию» принимается естественный язык. «Модели» репрезентации знания о мире в этом случае определяются уже внутри языка (в этом отношении, например, весьма показательно уже само название работы [Яковлева 1994]).

В настоящее время данное направление научных исследований получает все более широкое распространение. В рамках этого направления исследуются различные ключевые концепты в языковых картинах мира, реконструируются их отдельные фрагменты, в этой связи определяется специфика языковой ментальности народа, особенности его взглядов на мир и на себя самого [ср.: Арутюнова 1997; Арутюнова 1999; Медведева 2001; Воркачев 2001; Катунин 2001; Алимпиева 2004; Апресян и др. 2006; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Зализняк 2006].

Реконструкция языковой картины мира индоевропейцев позволило выдвинуть весьма серьезные и фактически обоснованные предположения относительно их прародины [см.: Гамкрелидзе, Иванов 1984]. Рассмотрение языковых и культурных данных позволило сформулировать более общие и имеющие отношение уже к социологии положения относительно своеобразия черт русского национального характера, оказывающих влияние на социальную и политическую жизнь русского народа [Ранкур-Лафферрьер 1996; Вежбицкая 1996].

Заслуживает внимания и то, что данное направление исследования языковой семантики стимулировало окончательное оформление лингвокультурологии, в рамках которой появился целый ряд интересных перспективных работ [см.: Маслова 2001; Воробьев 1998; Воркачев 2001а; Воркачев 2001б]. Языковую картину мира стали более целенаправленно и системно реконструировать на основе данных фразеологии [Телия 1996]. Учетом картины мира разработаны новые принципы системной лексикографии [Апресян 1995а; Апресян 1995б; Апресян и др. 2006].

Все эти процессы показывают, что картина мира в настоящее время прочно вошла в систему объектных единиц языкознания. Цели рассмотрения картины мира могут быть разными, начиная от простого описания и заканчивая типологическими сопоставлениями; различается и материал, на основе которого она реконструируется; разными являются и языки или фрагменты картин мира.

Но выводы, которые делаются при подобном рассмотрении языка, оказываются неизменно надежными и убедительными. Они имеют безусловную значимость не только для науки о языке, но и для других научных дисциплин, исследующих человека, его обыденную, социальную и политическую жизнь.

Литература

1. Берестнев Г.И. Слово, язык и за их пределами. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «языки русской культуры», 1997. – 576 с.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001б. – 288 с.
4. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Институт языкознания РАН, Тамбов: Тамбовский госуниверситет, 1997. – 331 с.
5. Топоров В.Н. Модель мира // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1991.
6. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени восприятия). М.: Гнозис, 1994. – 247 с.